

МОНОЛОГ СЧАСТЛИВОГО РЕЖИССЕРА

В театре на Малой Бронной грядут перемены

Андрей Житинкин

Я БЫЛ ОБЕЗОРУЖЕН.

Во-первых, коллегия проголосовала единогласно за мою кандидатуру. Это было очень приятно для меня. Но одновременно это и не дало мне возможности взять тайм-аут для размышлений. Во-вторых, мне был предоставлен карт-бланш на приглашение артистов. Но я считаю, что ставка должна быть сделана на коллектив Бронной. И, безусловно, я учитываю предыдущий опыт театра, когда работала только одна группа артистов. К сожалению. Это всегда расслаивает труппу и психологически неверно.

Приглашения, конечно, будут. Но это будет продиктовано чисто репертуарной необходимостью. Приглашение на роль — понятно. Если человек прошел этот тест и у него появилось ощущение, что здесь может быть его место работы, то — пожалуйста. Но никакой «крови» я даже не предполагаю, потому что на Бронной очень небольшая по нынешним временам труппа — нет даже 40 человек. А вот хорошая интеллигентная атмосфера сохранилась — это я могу сразу сказать.

Я это проверил по тому, как нас приняли два года назад: казалось, чужаки, пришли из другого театра (кстати замечу — мы никак не могли пробить «Нижинского» в театре имени Моссовета, потому и оказались на Бронной), но, нет, приняли очень благожелательно. И мне было важно, чтобы в моем спектакле играла команда Эфроса. Это было принципиально.

За два года, после испытания гастрольями, я со многими артистами подружился.

Самые первые планы? Они связаны с высокой литературой. Оскар Уайльд — «Портрет Дориана Грея» и Франк Ведекинд — «Лулу» (впервые в России) — авантюрный сюжет знаменитой куртизанки, показательный срез общества, ситуация двойственной морали, тест на человечность каждого из нас. Я знаю, что Юрий Любимов будет сейчас ставить «Лулу» в ГАБТе, но тут он нам не конкурент.

И это все надо делать сразу. В «Лулу» 20 ролей, в «Дориане» — 10. То есть труппа сразу почувствует мое серьезное отношение. Нет ничего хуже безработного актера, актер без работы начинает сходить с ума. Но даже и в небольшой роли артист начинает что-то приобретать. Хотя я не согласен со Станиславским — нет маленьких ролей, есть маленькие артисты — нет, артист становится артистом на главных ролях.

Конечно, вы сейчас спросите меня о Саше Домогарове. Безусловно, наше сотрудничество будет продолжено. Я считаю, я должен очень серьезно думать о судьбе актеров, которые поверили мне когда-то. Ведь я сорвал Сашу из Театра Армии, где он проработал 12 лет, и все свои последние роли он сыграл в моих спектаклях. А Дориан — его мечта. И нам надо успеть это сделать, поскольку через какое-то время он это играть уже не должен. Я из тех режиссеров, которые серьезно относятся к авторским указаниям возраста героев. Вот и Лулу должна быть молода. Мы объявим конкурс. Ведь проблема молодежи в театре тоже существует. Молодые герои и героини всегда нужны, и это хорошее поле, чтобы потихоньку собирать нашу общую команду.

Я люблю работать с актерами и действительно серьезно ими занимаюсь. Все знают это и называют меня сумасшедшим, потому что первый год я прихожу

Когда-то, еще юным студентом Щукинского училища, зажав в потном кулаке заветную рублевку, он приходил на спектакли Анатолия Эфроса в Театр на Малой Бронной, мечтая о входном билете. Сегодня он вот уже 4 дня возглавляет этот театр, — Андрей Житинкин, известный режиссер Москвы, в разных театрах которой идет около 12 его спектаклей, собирая полные залы. Его прозвали режиссер-аншлаг. Потому понятно единодушные коллеги Театра на Малой Бронной в выборе нового главного режиссера. С Житинкиным заключен контракт на 2 года с правом пролонгации. Именно в феврале, но 1999 года, на сцене театра состоялась премьера спектакля Житинкина с Александром Домогаровым в заглавной роли «Ни-

жинский, сумасшедший божий клоун», единственного собирающего полный зал.

Труппа встретила нового главного дружными аплодисментами, но не без настороженности: какова будет новая метла, да еще обладающая по решению коллегии, в которую входят ведущие артисты театра, практически неограниченными полномочиями.

Наша встреча состоялась за час до официального представления Андрея Житинкина труппе, и в меньшей степени она напоминала диалог, потому что самый молодой на сегодняшний день главный режиссер столицы стратегически точно превосходил любой вопрос, задавая его себе сам и тут же отвечая на него.

Житинкин — главный режиссер Театра на Малой Бронной. Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

на каждый свой спектакль. Через месяц после премьеры исходят рецензии, а актерам важно, чтобы то, что мы не успели дотянуть на премьере, «дошло» на зрителе. Нужно их поддержать. А вот критикам на спектакль, по-моему, надо приходиться чуть позднее.

Что дальше? В декабре этого года у Льва Дурова юбилей — 70 лет. И я считаю, что совершенно логично, чтобы он был отпразднован именно здесь, в его родном театре, где им сыграны лучшие роли и прожиты лучшие годы. Специально для него я вспомнил о блистательной комедии Фридриха Дюрренматта «Метеор». Классическая история: знаменитый писатель, лауреат Нобелевской премии инсценирует собственные похороны, чтобы проверить свое окружение. Очень хороший язык, и Дуров может в этой роли просто купаться.

Хотел бы поставить мой любимый роман «Анна Каренина». Это название мне безумно дорого. Если возникнет современная пьеса, раздвинем репертуарные границы. Пока то, что читаю, — абсурд в 4-й степени. Думаю о Чехове, но это когда-нибудь.

Просто я за два этих года должен как-то поменять ситуацию. Чтобы не только «Нижинский» был аншлаговым спектаклем, чтобы театр ездил на гастроли, фестивали, чтобы мы могли финансово поощрить артистов, потому что то, что мы платим нашим русским актерам, — просто ужас. Чтобы в зал пришел зритель, в том числе мой, который выскивает по всем театрам Житинкина, а он, мой зритель, молод.

Это произойдет обязательно. Потому что одна из причин сегодняшнего рывка — то, что я стал

заложником собственного имени, точнее — димиджа. От меня ждут спектаклей с определенным набором качеств. И это, как ни странно, очень сковывает художника, если ты называешь себя художником, но и сильно обязывает.

Почему сейчас так сложно молодым режиссерам — потому что ни один театр не хочет рисковать, вкладывая деньги в нераскрученные имена. Это проблема проблем, кто придет за нами, поколением 40-летних. Смешно, но я на сегодня самый молодой (мне — 40) главный режиссер Москвы. А мне бы хотелось, чтоб кто-то там сзади, за спиной, хулиганил. Это единственное, что вбрасывает мне в кровь адреналин.

Есть ли кандидатура? Есть. Называть не стану, чтобы не давать аванс. Приглашу? Конечно. Но после того, как у нас здесь все будет очень благополучно. Вот это я должен взвалить на себя. Только в ситуации суперстабильности можно какую-то часть денег выбросить на эксперимент, даже если он будет неудачным.

Страшно ли начинать? Нет. Я трудолюбив. Театр — это не столько сцена, сколько люди, а в людях, в их генетической памяти остался код Эфроса. И это очень приятно. Я за психологический театр, несмотря на то что у меня спектакли бывают самые странные по форме: мое кредо — симбиоз метафоры и натурализма. Совершенно ненавижу в современном театре, когда отсутствует мотивация, потому что можно действительно перевернуть все с головы на ноги, ну, а смысл какой? Мы не можем отпустить зрителя в ночную Москву без ощущения света и надежды. Я за театр, который в каких-то вещах может быть открытым, жестким, но

при этом сохранил бы поэзию и атмосферу.

Я бы очень хотел через два этих года собрать всю труппу и проговорить о том, что удалось, а что нет. Потому что мои амбиции все равно остаются, но сейчас я уже отвечаю за коллектив. По большому счету я им нужен, чтобы не скатиться в «бульвар». Когда нет художественного лидера, очень легко начать ставить пьесы среднего уровня на потребу зрителю, на кассу.

Актеры должны почувствовать, что человек приносит идеи, и тогда они поймут, что в каждом упомянутом мною названии внутренне просчитывается формула успеха.

Что касается сегодняшней афиши театра. Конечно, буду ее пересматривать. С марта разработана даже другой дизайн афиши — та старая большая простыня уже несколько устарела. В конце сезона кое-что из непоседаемого уберем. Но все это будет постепенно. Никакого аврала, надрыва. Не будет у нас и главного художника, честно могу сказать. Каждый конкретный проект предполагает конкретную фамилию. И Андрей Шаров, мой постоянный соавтор, будет продолжать работать со мной на контрактных условиях.

Мне необходим сегодня опыт театра-дома. К этому меня давно подталкивали мои артисты, мои внутренние стремления. Хочется, чтобы артист понимал, что мое внимание не разовое, а постоянное. Я с удовольствием бы вернулся к лабораторным работам. Хочу поставить «Постороннего» Камю. Но сейчас, в ситуации, когда мы начинаем менять что-то в жизни Бронной, это не нужно.

Материал подготовила Татьяна РЫБАКИНА